

ВИКТОР БОЖКО

СВОЙ бренд демикутюрной одежды восточная красавица Вадха Аль Хайри основала в 2010 году в Катаре, через четыре года получила признание главного скаута талантов — Сары Соццани-Майно, идеолога проекта Vogue Talents, а позже была приглашена на стажировку в дом Valentino. «Демикутюр» — значит, что это одежда стандартных коммерческих размеров, существующая в нескольких экземплярах, но шитая по всем законам кутюра — вручную. В Москву Вадха приехала по приглашению Флора Буримского, куратора «Русских» и «Катарских сезонов», приуроченных к перекрестному году культуры Катара и России-2018. Российские дизайнеры Вика Газинская и Татьяна Парфенова демонстрировали свои коллекции в Дохе, а в Москву вместе с Вадхой приехали еще несколько катарских дизайнеров, и все они участвовали в показе в Мультимедиа Арт Музее Москвы на Остоженке.

После показа в МАММ Натела Поцхверия встретила с Вадхой Аль Хайри в ЦУМе, когда там открылся рор-ур-корнер бренда, и расспросила о прошлом и настоящем восточной моды, а также о стереотипах, с которыми европейцы никак не хотят расстаться.

— Много золота, расшитой парчи, дорогого разноцветного бархата, камней и жемчугов — так европейцы понимают восточную моду. Где все это? Самый яркий цвет в вашей коллекции — темно-синий.

— Да, у меня очень минималистичный бренд. Парчи, жемчугов и бархата нет. Я очень люблю современную архитектуру и стараюсь к дизайну одежды относиться как к архитектурным объектам. Хочу делать одежду, которая подчеркивает индивидуальность, а не стереотипы.

— Запуск Vogue Arabia — первый и главный маркер перемен на Востоке. Прогрессивные женщины, такие как шейха Моза, на виду, но, кажется, что их очень мало. В основном мы слышим только об угнетенных женщинах Востока и отсут-

ствия равноправия. Как это сочетается с модой?

— Я думаю, такое восприятие наших женщин — следствие пропаганды СМИ и отсутствия грамотной коммуникации между странами. Так легко судить, не зная ничего о культуре и истории. Я не могу судить обо всем Востоке, но знаю свою страну — и в Катаре абсолютное равноправие. У женщин потрясающее образование. Они сильные, они много работают, но при этом уделяют внимание семье, растят детей — настоящие ролевые модели. Они занимаются юриспруденцией, финансами, дипломатией, медициной. И, надо подчеркнуть, зарабатывают не меньше мужчин. Не все европейские страны могут этим похвастаться. Все знают, что мы надеваем абайи, и всю жизнь я видела, как моя мама наряжается, а потом надевает абайю. Но я не воспринимаю это как угнетение. Наоборот, в этом мне всегда виделась сила и мощь, скрываемая под эфемерным летящим черным шелком.

— Год культуры Катара в России призван углубить наши знания друг о друге. Вы чувствуете, что приехали с миссией?

— Лучшего способа бороться с пропагандой и стереотипами, чем культурный обмен, не придумаешь. Лучшим ответом будет приглашение приехать в Катар и увидеть все своими глазами. Я буду рада стать проводником.

— Вы проходили стажировку в доме Valentino? Расскажите, пожалуйста.

— Я счастлива, что удалось увидеть красивую работу Пьерпаоло Пиччоли и Марии Грации Кьюри. Они существовали не как коллеги, которые трудятся в одной компании, а как семья — и в этом, мне кажется, секрет их успеха. Мария Грация — удивительная вдохновляющая сильная женщина. Когда их разделили, было так грустно. Он, как настоящий брат, поддерживал ее и радовался за нее. Это было очень трогательно. Что-то я позаимствовала и для своего ателье.

— Сколько человек работает в вашем ателье?

— Меньше десяти. У нас очень маленькая команда. Я предпочитаю сосредоточиться на качестве, а не на количестве. У меня нет профильного образования. Я окончила факультет международных отношений и много занималась исследовательской работой в политике, но всегда мечтала о моде. В 2010 году у меня родилась дочь, и в голове что-то перевернулось — я хотела, чтобы дочь видела, как мама воплощает свою мечту в жизнь. И в будущем не боялась воплощать свою.

— Ваша семья поддерживала вас в этом нелегком начинании?

— Родители переживали, насколько серьезно мое увлечение, не блажь ли это. Но когда они увидели результаты и мою целеустремленность, поверили в мою мечту. Спасибо им за то, что разрешили мне быть собой. Мои сестры стали моими первыми клиентками. И самыми капризными! Удовлетворить их казалось невозможным. Зато теперь у меня такая закалка!

— Сколько коллекций вы выпускаете в год?

— Коллекции Wadha поступают в продажу только тогда, когда я чувствую, что они готовы. Например, сезон «осень-зима 2018/19» мы пропустили, потому что коллекция была сыровата, на мой взгляд. Я не хочу ввязываться в модную гонку. Мне важнее показать коллекцию, в которой меня абсолютно все устраивает: ткани, цвета, фасоны, покрой, швы, подкладки, фурнитура,

идея. Каждый день моя команда и я развиваемся и работаем над собой. Выпускать коллекции, чтобы быстро их продать и получить лишь коммерческую выгоду, нам неинтересно. Мы не привязываемся к сезонам. К счастью, погода в Катаре это позволяет.

— Таких смельчаков современный мир моды почти не знает. Разве что Азедин Алайя. Если вы хотите быть на волне, вам придется играть в эту игру?

— Не надо выпускать коллекции, вообще не надо ничего делать, если это не идет изнутри, от души. Я не играю в эти модные игры. Господин Алайя — гениальный пример того, как можно делать то, что любишь, и оставаться актуальным вне арены модного цирка. Маркетинг, безусловно, важен, лукавить не буду. Но я не понимаю, когда он встает во главу угла. Не люблю, когда дизайнеров начинают давить. А вы что думаете об этом?

— Я думаю, что индустрия должна измениться. Знаете, когда колесо слишком быстро крутится, оно рано или поздно срывается с оси. Мне кажется, этот момент наступит уже очень скоро.

— Да, похоже на то. Надеюсь, тогда освободится и место для творчества.

— Как вы познакомились с Фролом Буримским, куратором «Сезонов»? Он долгое время занимался российским кутюрным брендом Ульяны Сергеенко, а сейчас неожиданно Катар.

— Как Фрол заинтересовался Катаром, я вам ответить не смогу. Но он человек сумасшедшей творческой энергии. Мне кажется, мы познакомились, как раз когда он приезжал в Катар. Он отлично знает страну и давно хотел привезти катарских дизайнеров в Москву, насколько я помню. Это лучшее, что может быть в моде, — когда творческие люди встречаются и работают на идею.

— Фрол — большой поклонник народных промыслов и делает серьезную работу по сохранению традиционных ремесел. Вы в Катаре тоже этим занимаетесь?

— Пытаюсь. Хотела бы больше. Времени на все не хватает. Нас мало, как я говорила. Пока я не чувствую в себе сил заниматься и этим направлением.

— Но тем не менее вы используете традиционные мотивы. Например, в коллекции сезона-2014/15.

— Ту коллекцию я посвятила палаткам бедуинов. Меня вдохновляли их формы и ткани. Они должны защищать от солнца, но при этом быть легкими. Традиционно палатки устанавливают женщины — они как архитекторы без специального образования. Меня очень вдохновила эта мысль. Коллекция была черного цвета и напоминала тенты бедуинов.

— Ваши коллекции всегда были черными или белыми. Сейчас добавилась темно-синий. Не самая разнообразная палитра, прямо скажем.

— В нашей стране черный — цвет красоты. Он подчеркивает красоту женщины, которая носит его. Черные абайи считаются самыми красивыми. Есть одна шутовская легенда о поэте и его друге, торговце шелком. Никто не покупал у торговца черные ткани, и он попросил своего друга-поэта сочинить стихотворение или поэму о красоте черного. Поэму друг написал: мол, медитировал и во сне увидел красавицу в черных шелках. После того как поэма увидела свет, женщины скупали у торговца все черные шелка.

— Вот вам и маркетинг.

— Точно! По-арабски.

Фрол Буримский и Вадха Аль Хайри

ВИКТОР БОЖКО